

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

CLIVE BARKER

WEAVERWORLD

КЛАЙВ БАРКЕР

СОТКАННЫЙ МИР

Перевод с английского
Елены Королевой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б25

Clive Barker
WEAVEWORLD

Перевод с английского: *Елена Королева*

В оформлении использована иллюстрация
Сергея Неживясова

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-146603-9

Copyright © Clive Barker 1987
Introduction copyright © Clive Barker 1996
© Елена Королева, перевод, 2022
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящается Д. Аж. Д.

У души имеется родина,
это царство значений вещей.

*Антуан де Сент-Экзюпери.
Цитадель*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помню окно в фермерском доме в Северном Уэльсе, у которого был подоконник из побеленного камня, такой глубокий, что я до шести лет умещался на нем целиком и сидел, подтянув колени к подбородку. Из этого потаенного места мне открывался вид на яблоневый сад за домом. В то время сад казался мне большим, хотя, оглядываясь назад, я понимаю, что там было не больше двадцати деревьев. В жаркие дни после полудня фермерские кошки, утомленные ночной охотой, приходили туда подремать, а я высматривал в высокой траве яйца, оставленные заблудившимися курами. За садом была невысокая стена, поросшая старым мхом, за стеной — широкий колышущийся луг, где паслись овцы, и совсем уже вдалеке таинственно синело море.

Понятия не имею, насколько эти воспоминания соответствуют действительности. С той поры, когда я мог поместиться в оконной нише, прошло почти сорок лет. Фотографии, сделанные моими родителями в то далекое лето, все еще смотрят с ветхих страниц их фотоальбома, но они маленькие, черно-белые и не всегда четкие. Есть даже пара снимков со спящими кошками. Но нет ни сада, ни стены, ни луга. И окна, на котором я сидел, тоже нет.

Возможно, на самом деле не так уж важно, верны ли мои воспоминания; важно то, как сильно они меня трогают. Я до сих пор вижу это место во сне, а когда просыпаюсь, явственно помню каждую деталь. Запах ночника, который мать ставила на комод в моей спальне, тени под деревьями, тепло и тяжесть яйца, найденного в траве и доставленного на кухню, словно драгоценное сокровище. Эти сны представляют все доказательства, которые мне нужны. Я уже был там однажды, безгранично счастливый. И я верю, что окажусь там снова, хотя не могу объяснить, каким образом.

Того фермерского дома больше нет, кошки умерли, сад выкорчевали. Но я все равно попаду туда.

* * *

Если вы уже прочитали книгу, то уловили сходство ее идей с этим отрывком автобиографии. Да, конечно, в романе говорится и о магии, и о пустых обещаниях, и об ангельском суде, однако суть истории в том, что герои вспоминают — или не могут вспомнить — увиденный мельком рай.

Вот, например, Муни, наш герой:

«И только когда в разгар очередного безотрадного дня какая-то мелочь, какой-то запах или звук напоминали ему о том, что он бывал в ином мире, дышал его воздухом, встречался с живущими там созданиями, — тогда Кэл признавал, насколько призрачны его воспоминания. И чем упорнее он пытался вспомнить забытое, тем увереннее оно ускользало от него.

Чудеса Фуги стали пустыми словами, реальностью, куда он больше не имел доступа.

Он думал о фруктовом саде, и с каждым разом ему представлялось все более и более прозаическое место, где он ночевал (где он спал, и ему снилось, что его нынешняя жизнь — это всего лишь сон), с еще более прозаическими яблоневыми деревьями...

Наверное, вот так человек умирает, думал он, теряет все, что ему дорого, и не может предотвратить потерю».

Этот роман — не просто о бегстве в Эдем. Он о том, как знание об Эдеме ускользает от нас, и о том, какие средства мы изобретаем, чтобы удержать его. Мне кажется, подобное переживают все повсеместно, именно поэтому книга продолжает находить своих читателей. Недавно я предпринял шестинедельную поездку по стране в поддержку нового романа и, подписывая книги, заметил, что люди приносят потрепанные, но горячо любимые томики «Сотканного мира». Несколько раз мне говорили, что книга помогла преодолеть очень тяжелые периоды жизни.

Для автора нет ничего более радостного, чем надписывать свою книгу, обросшую историей: побывавшую у друзей, падавшую в ванну, испачканную пролитым кофе и пожелтевшую от солнца. У меня в библиотеке есть очень старые издания — Мелвилла, По, Блейка, — которые я обожаю, хотя их внешний вид делается все хуже. Я знаю, как можно сродниться с книгой, чьи пятна и потертости стали знаками вашей общей истории. Что может быть прекраснее такого союза формы и содержания, чем роман о воспоминаниях, вроде «Сотканного мира», отмеченный следами пережитых вместе с ним событий?

* * *

Книга вышла в 1987 году, как и первый фильм «Восставший из ада», и представляла собой значительное отступление от запредельного ужаса, с которым мое имя ассоциировалось на тот момент. Критики заявляли, что я отказываюсь от стиля, что мое воображение слишком мрачно для того жанра, в котором я пытаюсь писать, и что лучше бы мне оставаться в нише «хоррора». Однако реакция читателей, включая и любителей моих ранних работ, была на удивление положительной. Книга прекрасно продавалась и продолжает продаваться до сих пор, теперь уже на разных языках. Благодаря ей родились другие произведения искусств, созданные читателями, пожелавшими рассказать историю по-своему: картины, стихи, музыка и даже опера, которую собирались ставить в Париже. Я пришел к выводу, что жуть, привнесенная мной в сюжет, вовсе не создает сложностей, а, наоборот, способствует достижению цели. Конечно, в книге есть магия и красочные фантазии. Однако Фуге — волшебным небесам из романа — грозит безвозвратная гибель, и силы, что надвигаются на нее, это вовсе не дешевые страшилки. Это извечная человеческая жестокость и извечное человеческое отчаяние.

* * *

Конечно, сказки о потерянном рае лежат в основе нашей культуры; ведь все мы изгнаны из некоего благословенного места.

Что же это за место? Память о состоянии полного довольства, оставшаяся от того времени, когда мы считали себя цельными, поскольку еще не сознавали факта

своего физического отделения от матери? Или же религиозные представления, слишком глубоко засевшие в наших клетках и потому не поддающиеся интеллектуальному исследованию, изучающему наши связи с планетой, с животным миром, со светилами? Может быть, это вера? Или же благословенная уверенность?

Разумеется, рассказчику нет необходимости знать ответы на все поставленные вопросы. От него требуется лишь заинтересованность, чтобы их задавать. «Сотканный мир» полон неразгаданных загадок. Отчего Иммаколата так сильно ненавидит ясновидцев? Существо из Пустой четверти — это ангел или же нет? И если сад из песка, где он несет свою безумную вахту, не является райским садом, откуда тогда взялись ясновидцы? Конечно, разгадки можно было бы отыскать и записать, но я уверен, что они поставили бы новые вопросы, а ответы, в свою очередь, породили еще вопросы. Так что при всем масштабе и разветвленности сюжета в романе нет попыток заполнить все пробелы придуманной истории. «Ничто нигде не начинается», — говорится в первой фразе. Подобные фразы есть во множестве уже написанных историй, и их напишут еще не раз. Меня не раз просили сочинить продолжение, но я не стану этого делать. История не завершена, но я сказал все, что мог.

Это не значит, что мое отношение к роману не меняется. За прошедшие десять лет я переживал периоды, когда он совершенно переставал мне нравиться. Временами меня даже раздражало, что книга в таком почете у читателей, хотя существуют и другие, гораздо более интересные работы. И вот когда мое раздражение достигало верхней точки, я опрометчиво начинал осуждать фантастическую литературу в целом. Я поносил ее за элементы эскапизма, выделяя склонность фан-

тастов доносить до читателя социальные, моральные и даже философские выкладки за счет прославления добродетелей героев. Я делал это из искреннего желания защитить любимый жанр от обвинений в тривальности и банальности, однако мое рвение увело меня в сторону. Да, сюжеты фэнтези замысловато вплетаются в ткань повседневной жизни, преподнося самые важные идеи в иносказательной форме. Но эти книги хотя бы на время выводят читателей за рамки нашего обыденного «я», освобождают от мира, который ранит и разочаровывает нас, позволяют побродить там, где живет магия и возможно перерождение. Хотя в своих последних работах я все больше сосредоточиваюсь на реальности, которая причиняет боль и разочаровывает, как читатель я заново открыл для себя радости бесстыдного эскапизма: рассказы лорда Дансени, ранние произведения Йейтса, живопись Сэмуэля Палмера и Эрнста Фукса.

Однако автор, написавший «Сотканный мир», исчез. Я не потерял веру в очарование фэнтези, но в той книге есть беззаботная сладостность, больше (по крайней мере, в настоящий момент) не присущая моему перу. Должно быть, наступило другое время года, а «Сотканный мир» был написан ароматной весной. Возможно, придет новая весна. Но те нежные выдумки очень далеки от человека, пишущего сейчас эти слова.

Может быть, именно поэтому сегодня утром, садясь за работу, я вспомнил подоконник в Северном Уэльсе, и сад, и стену, и луг. Они так же далеки, но одновременно — как томик «Сотканного мира» у меня на столе — всегда со мной; они часть моего прошлого и настоящего.

«То, что можно вообразить, никогда не умрет» — так говорится в книге сказок, которую Мими Лашенски

оставляет на сохранение своей внучке. Эта книга становится убежищем еще до того, как заканчивается роман, — местом, где находит приют уязвимое волшебство. Так внешняя и внутренняя книги, книга сказок и история Фуги, сливаются в одну идею. Ту самую бесценную идею, что приводит читателей с затертыми томиками романа за автографом к автору, а меня возвращает к воспоминаниям о подоконнике и саде за ним, и я делюсь ими с вами. Такая простая мысль, но она до сих пор кажется мне чудесной: в словах мы можем сохранить дорогие нам образы и мысли. И не только сохранить, но и передать дальше.

Предаваться мечтам в одиночестве, конечно, здорово; однако мечтать в компании, по-моему, несоизмеримо приятнее.

Клайв Баркер

КНИГА ПЕРВАЯ
В КОРОЛЕВСТВЕ
ЧОҚНУТЫХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БЕЗУМНОЕ ДАЛЁКО

*Всё я, однако, всечасно крушась и печалюсь,
Желаю дом свой увидеть и — сладостный
день возвращения встретить.*

Гомер. Одиссея¹

I ПУТЬ ДОМОЙ

1

Ничто нигде не начинается.
Не существует никакого первого мгновения, ни
единого слова или места, с которого начинается та или
иная история.

Всегда можно вернуться к какой-то более ранней ле-
генде и к предшествовавшим ей рассказам, хотя связь
между ними истончается, как только голос рассказчика
умолкает, ибо каждое новое поколение желает, чтобы
легенда была создана именно им.

Так язычники становятся святыми, трагедия превра-
щается в фарс, великая любовь скукоживается до сен-
тиментальности, а демоны вырождаются до заводных
игрушек.

¹ Перевод В. Жуковского.